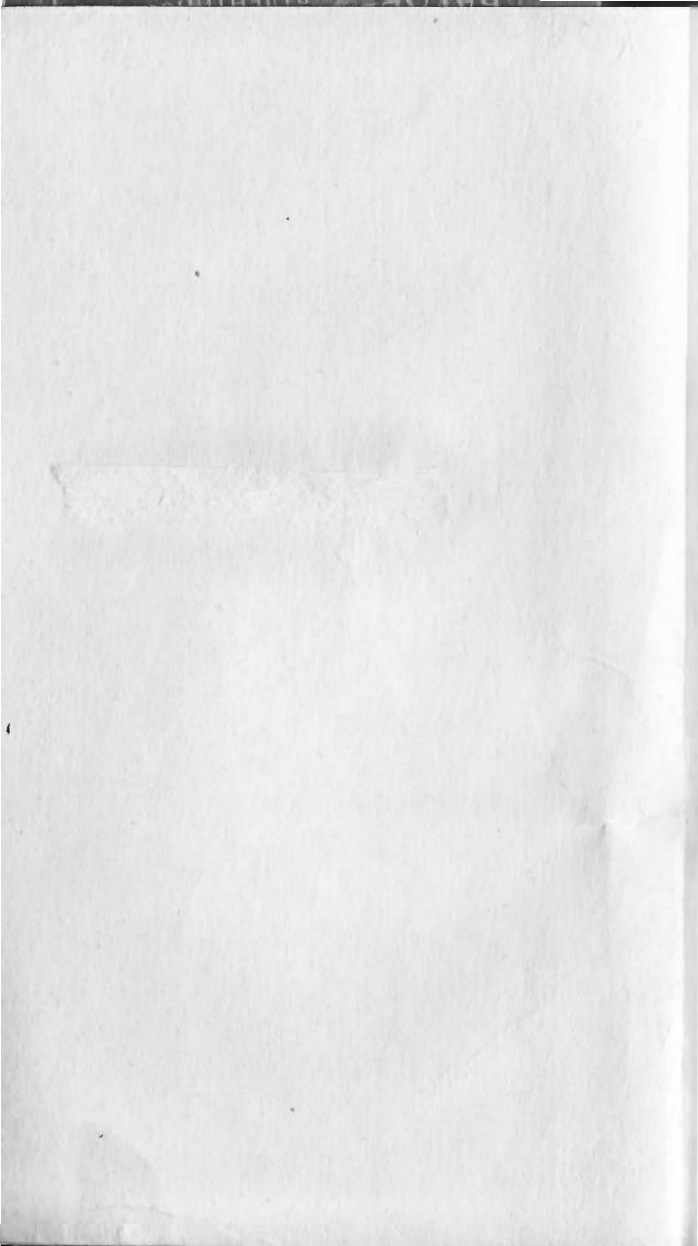

84РГ К
534

ВИКТОР БАЯНОВ

*Какой
земле
принадлежим*

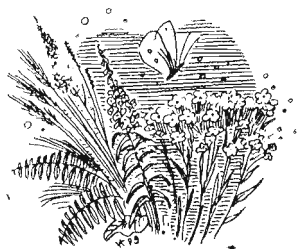
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КОВЧЕЖЕК»

84РГК
Б34

ВИКТОР БАЯНОВ

*Какой
земле
принадлежим*

Избранные стихи

«КОВЧЕЖЕК»
КЕМЕРОВО
1994

ББК 84Р7 (2Р-4 Кем)

61029(1)

г. Л.-Кузнецкий
Центральн. объединен.
Городская библиотека
им. Крупской

Б Б С
г. Ленинск-Кузнецкий
АБОНЕМЕНТ

ISBN 5-86485-003-9

© Издательство «Ковчежек», 1991

© Кравчук В., оформление, 1991

ЦВЕТКИ ЛЮБВИ И ПАМЯТИ

Изба наша на краю деревни в детстве ощущалась мною как осевое, главное место в окружающем пространстве.

К северу уходили хлебные поля с околками, а с закатной стороны к нашему огороду подступал гладкий, породистый березняк, такой густой и белый, что и в самых непроходимых урочищах было от него светло и не так страшно. Березняк прорезала речка, увитая по излучистым низинам и заплескам буйным тальником, черемушником и диким хмелем.

А сколько там на все лады трезвонило и верещало всякой летающей, ползающей, прыгающей живности!

От околицы неизвестно куда уходили по березняку дороги — узкие, постоянно сырые, малоезжие, а то и вовсе из-за военного малолюдья заброшенные и уже затянутые лесным подростом, дягилом и разной сорной травой.

Каждодневно я сталкивался с удивительным миром живой природы, с добрыми деревенскими жителями с их делами и заботами. И все это как бы кружилось вокруг нашей избы, к ней притягивалось и на ней сходилось.

Всплеснет ли, бывало, омут на речке, шумно проглатывая отвалившуюся от берега земляную глыбу, затрещит ли с чего-то сухостойное дерево в чаще и

рухнет на землю — мороз подерет по спине, а ты всем существом своим вмиг безотчетно повернут и устремлен к дому, поскольку с момента, как себя помнишь, усвоено, что лишь дома, каким бы он ни был, спасение твое от холода, страха и любых напастей. А уж если и там не найдется успокоения и укрепы, то это и будет полной безысходностью, крахом, концом света.

Говорю об этом потому, что те давние ощущения не изжиты и поныне, что-то перешло потом в основу (по духу, мировосприятию) некоторых очень важных для меня стихотворений.

Жизнь идет. Со многим, что я хорошо знал и любил и что как-то отражено в моих стихах, пришла пора проститься навсегда. Тут много разных причин.

Иногда мне кажется, что я и не сочинял свои стихи. Будто они скрытно жили рядом сами по себе и однажды открылись мне, чтоб через мою душу какое-то время посветиться на земле простыми, незатейливыми цветками любви и памяти.

Виктор Баянов

* * *

Не думать ни о чем теперь бы,
Когда сто троп во все концы
И предлагают в сограх вербы
Свои сережки-леденцы.
И жаворонки без умолку
Над всей родимой стороной
Трезвонят про твою помолвку
С самой красавицей-весной.
Да, как легко под гимны эти,
Пусть ты их даже заслужил,
Забыть про все на белом свете —
И кем ты был, и где ты жил.
Но у лесистой низкой гривы
Тебе, шагающему в рост,
Вдруг бросит чибис:— Чьи вы? Чьи вы?—
Один-единственный вопрос.
Он не поет, не красноречит,
Но сразу, как у кромки рва,
Тебя тревожно остановят
Те немудрящие слова.
Они стоять тебя оставят
У голубеющих излук.
Они припомнить вдруг заставят
Поволглый за деревней луг.
И домик, где ты пел и плакал,
И речку, где сидеть любил,

В которой ты мальчонкой плавал,
Которую ты в жажду пил.
Поднявшись над раздольем нивы,
И в радостный, и в горький час
Тревожный чибис:— Чьи вы? Чьи вы?—
Завидев, спрашивает нас.
Чтоб помнить мы не перестали
Под нашим небом иль чужим,—
В каком краю мы вырастали,
Какой земле принадлежим.

РОДНИК

Блестит вода, как в сказочном копытце,
В замшелом срубе, вкопанном в межу.
Я прихожу, чтоб из него напиться,
И как я встречей этой дорожу!
Ах, как приятно в тишине дремотной,
Средь дружески кивающих вершин,
Склонясь, наполнить влагой искрометной
Видавший виды глиняный кувшин!
И пить, да так, чтобы не только глотку
Струя воды внезапно обожгла,
А чтоб она текла по подбородку,
Чтобы она за шиворот текла.
Кипит родник, воркует голубино,
Прохладой вея на клубничный луг.
Над ним краснеет старая рябина,
Малина густо разрослась вокруг.
И все года, под ярко-алой зорькой,
На гладь воды, что как слеза чиста,
Все падают — то плод рябины горький,
То сладкий плод с малинова куста.

* * *

Изба моя, приветь меня,
Побалуй давней лаской отчей.
Погрей у своего огня,
Чем бог послал меня попотчуй.
И над землей, и над водой,
Сквозь все удачи и оплошки,
Мне самой близкою звездой
Сиял огонь в твоём окошке.
В большой судьбе твоей теперь
Все так предпразднично, субботно.
Я в эту низенькую дверь
Когда-то проходил свободно.
Я был, как ты, и мал, и прост,
Был светом полевым просвечен.
И прибывающий мой рост
Вон на венцах твоих отмечен.
На крыше — тот же дерн
пока.

И с этой крыши многоцветной
Под легкий шелест ветерка
Свисает колокольчик летний.
И спорым дождиком омыт,
Трезвоном наполняя уши,
Он мне о юности гремит,
Гремит от года к году глуше.

Изба, и летом, и зимой
Твой ответ надо мной витает.
Стою, и рост отметить мой
Венцов сосновых не хватает.
И не могу унять теперь
Далеких лет степного звона.
И не могу я в эту дверь
Пройти без низкого поклона.

СТАРЫЕ ПЛОТНИКИ

Они еще воюют с бедами,
Не поддаются до поры.
Еще отточенные дедами
Не затупились топоры.
Недавно пенсия получена.
Так что ж, сидеть?
Свой двор мести?
И им правлением поручено
Чинить колхозные мосты.
Забудешь речку с вязкой тиной
И аромат земных паров —
Забудешь все, любуясь дивною
Работой старых мастеров.
Застынешь молча у обочины,
Глядишь, как яростно в брусок
Врубается топор отточенный
От сапога на волосок.
Всегда приветят подобающе,
С собой на свае примостят,
Достав зеленый, с ног сшибающий,
В больших кисетах самосад.
И не спеша, на темы местные —
Рассевшись будто бы на час —
Нам разговоры интересные
И начинать бы в самый раз.

Но увидав, как с грузным кузовом
Машина тронется в объезд,
Они потупятся конфузливо
И подниматься станут с мест.
Докурят самокрутки с жадностью,
Чуть виноватый примут вид —
Мол, извини, дружок, пожалуйста,
Работа срочная стоит.

МАТЕРИ

Устав от ветровых погудок,
Стоит береза на меже.
Еще не зимняя покуда,
Но и не летняя уже.

Ты на нее глядишь, родная,
И замечаешь, что она,
Листву пригоршнями роняя,
Почти совсем оголена.

И с летом ласковым прощаясь,
Ты пригорюнилась в избе,
Как будто гости обещались,
Да не приехали к тебе.

А рельсы, словно по ступеням,
Белесый излучая свет,
Бегут, сужаясь постепенно,
И где-то сходятся на нет.

Презрев болезни и простуды,
Ведя домашние дела,
Все реже говоришь ты «буду»,
Все чаще говоришь «была».

Под полушалок прячешь проседь
И тем лишь, кажется, жива,
Что обо мне тебе приносят
Одни хорошие слова.

Живя доверчиво и просто,
Я не прошу иной судьбы —
Лишь чаще видеть дом у моста
С куделью дыма из трубы.

Да под горою омут синий,
Да поле в балках и буграх
С березкою еще не зимней
На обжигающих ветрах.

* * *

На обезлюдевшей окраине,
Где два холма, как два горба,
Вовсю воронами ограйна
Моя мальчиночьья судьба.
Весна.
Хрустит ледок, продавленный
Заиндевелым дном ведра.
И лихо пляшут на проталинах
Густые синие ветра.
Теплом исходит солнце набедно
Над незапаханным жнивьем.
А это значит — будет ягодно.
А это значит — заживем.
У месяца все тоньше лезвие —
Пойдут дожди того гляди...
Еще шоссейные, железные
Мои дороги — впереди.
И только сказки бурно радуют,
Пугает тьма в сырых логах.
Да гонят спать.
Да звезды падают.
Да плачут цыпки на ногах.

* * *

61129/41

За речкою — подать рукой —
Моя полянка-самобранка.
По темнолесью день-деньской
Идет сорочья перебранка.
Хожу среди глухих чащоб,
И, хоть дышу легко и юно,
В моей душе живет еще
Печаль военного июня.
Здесь не один голодный год
Мне так же птицы верещали,
И отвлекали от невзгод,
И перемену предвещали.
И тусок с собой забрав,
Сегодня вышедший из моды,
Совсем, совсем не для забав
Я приходил сюда в те годы.
Звала поляна: «Поброди,
Под каждый кустик загляни-ка —
Какие здесь прошли дожди,
Какая зреет земляника!»
Она кормила сараной,
Калину до снегов хранила,
С моей родною стороной
Еще сильней меня сроднила.
От молодых берез светла,
Далеким

сердце мне тревожит.

Она мне выжить помогла,

Она мне дальше жить помогла.

Г. П. Жуковский
Центральный объединенный
Городской библиотечный
им. Крупской

Ц Б С

г. Ленинск-Кузнецкий

АБОНЕМЕНТ

* * *

Сторона любимая, приметная,
У тебя приметы есть предметные.
Только вот им верить не приходится —
Все они изменчивы, как водится.
Где-то есть такие ж кедры с соснами,
Где-то есть такие ж зимы с веснами,
Горы есть со снеговыми шапками
И поселки с трубами и шахтами.
Только нет нигде чего-то главного,
По цене одной лишь жизни равного,
Очень близкого чего-то, очень местного,
Сердцу только одному известного.
Стоит лишь откуда-то вернуться,
Как готово сердце захлебнуться.
Весь мой век такое с ним случается.
Пробовал унять — не получается.

ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ

Я жил и пасынком и сыном
И крепко знаю оттого —
Как важно, чтобы хлебом сытным
Не обделяли никого.

Покуда ветер злой не дунул,
Слеза не стала солона,
До тех я пор наивно думал,
Что хлебу — медная цена.

Была деревня,

Детство,

Хата,

Где, нас пугая и дразня,

Среди веселок и ухватов

Пыхтела пышная квашня.

Распахивались окон створки,

И от поджаренных краях

Над всей округою

на зорьке

Стоял крепчайший хлебный дух.

Но — громом расколосось небо.

И, охладив ребячий пыл,

Однажды мне не дали хлеба,

Когда он так мне нужен был.

Как мы ни слабли, как ни вяли,

Не половину и не треть —

Весь хлеб мы фронту отдавали,

Чтобы совсем не умереть.

И, утешая нас немножко,
Тогда, для постного стола,
Нам так готовили картошку,
Чтоб форма хлебная была.
Напоминая зло и горько
Про беспечальные деньки,
Хрустели вдавленные в корку
Березовые угольки.
Но я в застолье не охал
Иному взрослому под стать.
Вот только рос в те годы плохо,
Так, что теперь не наверстать.
И вот живу под небом синим,
Желая только одного, —
Чтобы на свете хлебом сытным
Не обделяли никого.
И каждый пусть себе отметит,
Пусть каждый в памяти хранит,
Что колос — не бренчащей медью,
А чистым золотом звенит.

* * *

«Из колодца вода льется,
Вода волноватая...»
У глубокого колодца
Стыну виновато я.
Потому что песня — диво,
Да не мною сложена
И, как первым снегом нива,
Грустью припорошена.
Надо мной в тиши витая,
Продолжает жечь она.
А поет немолодая
Маленькая женщина.
Много лет ее я знаю.
Ею злая долюшка,
Как вода та ледяная,
Выпита до донышка.
Слышу голос от крыльца я,
От лужка примятого:
«Сама белая с лица,
Любила черноватого...»
Эту песенку простую
За столом не выдымить.
Нет, такую золотую
Просто так не выдумать.

Надо, став едва
влюбленной,

Свянуть тоньше веточки
И, встречая почтальона,
Ждать годами весточки.
Надо много

в зной и грозы
Той водицы выплескать.
Надо прежде вдовьи слезы
Все до капли выплакать.
Вот идет она с ведерком
В светлом платье простеньком,
Будто тонкая кедерка
По таежной просеке.
Ей легко еще покуда
Мять густую травушку.
Никакие пересуды
Не коснулись краешком...
Гаснет день. Дымятся трубы.
Дым плывет, качается.
У колодезного сруба
Песенка кончается.
И, как в песне той поется,
На траву примятую
Из колодца вода льется,
Вода волноватая.

* * *

Мы знаем очень много. Это верно.
Мы мудрость накопили за века.
Но отчего грустна у речки верба
И отчего рябина так горька?
Кто мне расскажет?
Все твердят: «Об этом
Поэты нам поведали давно».
Все это так. Но полностью секрета
Мне не открыли книги все равно.
Уеду я в деревню к тем рябинам
И спрошу, не ради злой молвы,
У девушки, обманутой любимым,
И у седой стареющей вдовы.
Мне кажется, они ответят верно,
Как не ответят книги за века —
И отчего грустна над речкой верба,
И отчего рябина так горька.

* * *

У станции цветов — каких угодно,
Я не спеша красу земную рву
И думаю наивно, что сегодня
Я без волнений всяких проживу.

Но на перроне шлак хрустящ и порист,
Но график, как всегда, неумолим,
А женщина торопится на поезд
Со стареньким баульчиком своим.

В ее глазах, невыразимо синих,
Какой-то робкий и тревожный свет.
И я спокойным быть уже не в силах
И все смотрю — успела или нет.

БАБЬЕ ЛЕТО

Не скажет дорожная лента
И птицы, что в рощах поют,
За что это красное лето
Все исстари бабьим зовут.
Печально и неистребимо
Живет на Руси испокон
Пора возвращенья любимых
Из долгих походов и войн.
Ждет женщина мужа до снега.
А где-то лишь хрустнет шелом
И конь за конем печенега
С пустым понесется седлом.
Поля полыхают багрово.
И в свой горемычный черед
Вот женщина ждет с Куликова,
А вот — с Бородинского ждет.
И матери наши недавно
Чуть что — выходили из хат
И грустные, как Ярославна,
Смотрели на ясный закат,
Тревог и надежд не ослабив,
Верны на всю жизнь одному...
Вот лето, наверное, бабьим
У нас и зовут потому.
Прощальное, светлое лето
С кипеньем листвы на кустах.

А может, придумал я это?
А может, все это не так?
Но женщины вдаль из-за тына
Все смотрят, привстав на носки,
Ложится бело паутина
На их молодые виски.

ВАРАЖЬ ВЕЛО

Ито сваж...
И...
В...
Ж...
И...
В...
И...
В...
И...
В...
И...
В...
И...
В...
И...
В...
И...
В...
И...
В...
И...
В...

ВЕТРЯКИ

Ах, время, понимаю, ты могло ли
Их сохранить в значении былом.
Они отгрохотали, отмололи,
Теперь стоят. Готовы хоть на слом.
Стоят веками возле сел России,
И каждый остов выветрен и сух.
Они ль не умножали нашу силу,
Они ль не укрепляли русский дух!
Давали детям и калач, и пряник,
Давали жизнь. И каждый божий день
К ним ехали, как на великий праздник,
Из всех окольных сел и деревень.
Когда ж враги к святой Руси ломились
Всех орденов, и стягов, и мастей,
То первым делом мельницы дымились —
Они страшнее были крепостей.
Над ними солнце и гусиный гогот,
Над ними золотые облака.
Стоят ветрянки.
Их сломать не могут.
Нельзя. Не поднимается рука.

◆ ◆ ◆

Мы в детстве смотрели немое кино,
С утра мы у клуба торчали.
Без денег в кино не пускали, но
Шапчонки нас вырочали.
Свою отдавал я, чтоб в зал попасть,
Ее моя мама шила.
И я за нее всю первую часть
Крутил динамомашину.
Я первый крутил. Я сначала сидел,
Крутую показывал хватку.
Потом я вставал,
Потом я хотел
Забросить к чертям рукоятку.
Но очередь ждали друзья на полу,
Что был угрожающе шаток.
И кучей лохматой лежали в углу
Двенадцать мальчишеских шапок.
Я бросить не мог, свою слабость кляня,
Не мог показать, что робею, —
Ведь многие были меньше меня
И были, конечно, слабее.
Я смену сдавал в рубашонке сырой.
Мне шапка обратно вручалась,
И только тогда, уже частью второй
Кино для меня начиналось.
Не то теперь время. Не то село.
И думаю я очень часто,
Что в жизни и детство мое прошло
Пропущенной первую частью.

* * *

В двенадцать лет мальчишкам редко
Туманит ясные глаза
Текучая, как наша речка,
Солоноватая слеза.
Они любую неудачу
Перенесут крепясь, тайком.
Они не чаще взрослых плачут —
Мужчины в возрасте таком.
И я, в ночи ли, спозаранку,
Теперь припомню иногда
Те, на картошке и саранке,
Полусиротские года.
Я за войну привык к заплаткам,
Обнов выпрашивать не смел
И путал горькое со сладким,
Поскольку сладкого не ел.
Я рос характером — железом.
С закваской песенной в крови.
Лишь не хватало до зарезу
Отцовской ласки да любви.
И вот, не жалостливый с виду,
Тогда, в разгар войны самой,
Я привязался к инвалиду,
Что насовсем пришел домой.
Я перенял его осанку,
И — хоть гляди, хоть не гляди —

Медали из консервной банки
Звенели на моей груди.
Однажды я, светлея бровью,
С любовью, что отцу берег, —
С большой мальчишеской любовью
Перешагнул его порог.
Но он своим игрушки ладил
И развлекал их день-деньской.
Но он своих детишек гладил
Перебинтованной рукой.
Свистульки вырезал из ветел,
Давал им птичьи голоса.
Меня ж он так и не заметил
За долгих-долгих два часа.
И я ушел с его крылечка.
И мне туманила глаза
Текучая, как наша речка,
Совсем не детская слеза...
Теперь, когда мальчишка плачет,
Совсем не чувствуя стыда,
Я не пройду: ведь это значит —
Стряслась серьезная беда.
Его беда — моя кручина.
Я в дождь и в хлесткую пургу
Остановлюсь с ним, как с женщиной,
И как умею — помогу.

* * *

Он нас встречал ворчливо: «У, ягнята...»
Жил на краю, где лишь кусты да пни.
На всей земле у дедушки Игната
Далекой даже не было родни.
Была ли у него своя царевна
И долго ль шла одной дорогой с ним,
Никто не знал, поскольку на деревне
Не помнили Игната молодым.
Он поднимался раненько, до солнца,
И, нарядившись в шубу и пимы,
На лавочке у низкого оконца
Садился поджидать конца зимы.
Как будто на базарные обновы,
На санный путь, на черные леса
По целым дням дивились стариковы
Немало повидавшие глаза.
Пугливо жались воробьи к повети.
И сам он, горбясь жалко и смешно,
Мечтал о теплом, недалеком лете.
И начиналось наконец оно.
Тогда он шел в поречные низины,
Где молодой тальник роскошно цвел,
Срезал на выбор гибкие лозины,
Мурлыкал песни и корзинки плел.
Он прут пускал то колоском пшеницы,
То змейкой вокруг березова ствола,

А то — цветком. Любая кружевница
Ему бы позавидовать могла.
К земной красе невыразимо чуток
Да и свое придумывать мастак,
Все лето он из прутьев делал чудо
И по деревне раздавал за так.
Стучал легонько в раму или ставень,
Уже натужно, тяжело дыша,
И говорил, корзинку рядом ставя:
«Прими подарок, добрая душа...»
Давно уж без него рассветы брезжут
И гаснут звезды, будто угольки.
Давным-давно никто тальник не режет
И не плетет корзинки у реки.
Но почему-то до сих пор я верю,
Когда бываю в дорогом краю,
Что вот под вечер постучатся в двери
И дед заглянет в комнату мою.
До позднего ночного звездопада
Я жду и жду, но нету никого.
Признаться, мне подарка и не надо,
А только б знать — достоин ли его.

* * *

У реки рябина вянет
Чистая и строгая.
Кто б ни шел — пройдет, не глянет,
А проходят многие.

Я не знаю — тут паветы,
Мелкая ли ябеда,
Но никто с цветущих веток
Не срывает ягоды.

И стоит она, страдая,
Под веселой зорькою,
И такая молодая,
И такая горькая.

* * *

За пределами российскими
Все века живет молва,
Будто самая росистая
По утрам у нас трава.
Будто, смяв былинки хрусткие
На заре ногой босой,
Для красы девчата русские
Умываются росой.
Будто в пору сенокосную,
Коль любовь в груди крепка,
На отавы ходят росные
Женщины до сорока.
Да и сам не раз я видывал
В росах женщин пожилых
И любви их завидовал,
И наивной вере их.
Но ни разу не обмолвился —
Не вернуть, мол, вам красы:
Пусть подольше верят в молодость,
В свойства чудные росы.

* * *

За рекой талиновой, за мельницей

Земляникой крашены холмы.

Век ничто, казалось, не изменится —

Ни деревья, ни земля, ни мы.

Буду проходить короткой улочкой,

Чтобы к речке выйти поскорей

С довоенной, береженой удочкой,

Вечною грозой пескарей.

И на зорьке,

легче одуванчика,

Будет вслед смотреть мне каждый раз

Девочка в цветастом сарафанчике

С жаркими веснушками у глаз.

Ветерок займется и уляжется

В тень под тальники да тополя...

Что ж, ничто не изменилось, кажется,

И деревья те же, и земля.

Только я бываю здесь наездами.

Покидая душный летний дом,

Ночи коротаю под навесами

На клубничном сене молодом.

Только приобрел другие удочки

Все на тех же вечных пескарей.

И спешу по той же самой улочке

К той же речке выйти поскорей.

И зарею утренней просвечена,

Там, где домик низок и угласт,

Мне вослед подолгу смотрит женщина

С первыми морщинками у глаз.

ФОТОГРАФИИ

Мы их храним, с собой повсюду возим,
Иной под старость глаз не сводит с них.
А я на свете прожил тридцать восемь
И фотографий не люблю своих.
Вот детская. Веселая. Едва ли
В ней что-то есть от прожитой беды.
А мы отцов в те годы не видали,
Полураздеты были и худы.
Я помню, как упала лошадь в согре,
Как до района еле добрались,
Где целый час крутил меня фотограф
И добивался: «Мальчик, улыбнись».
И чтобы он меня не дергал грубо,
И чтобы вдруг снимать не расхотел,
Я улыбнулся ясно и беззубо,
И он таким меня запечатлел.
А вот я мрачный на последних фото,
За кем-то взгляд внимательный следит.
Как будто обижаюсь на кого-то,
Как будто я на целый мир сердит.
Я отношусь к ним строже все и строже.
В альбомах или в рамках на стене,
Они всегда удачны и похожи,
Но говорят неправду обо мне.

* * *

Дом как дом. Цветы да занавески.
Я его пороги обивал.
В этом доме я себе невесту
Много лет назад облюбывал.
На вечерках возле сельской лавки
Я, смущенно опуская взгляд,
Для нее играл на балалайке,
Все сбиваясь на минорный лад.
Перезвоны рассыпал я густо,
И, во всем хозяину верна,
О моей бессоннице и грусти
Говорила первая струна.
И ее ничуть не повторяя
В чистой перезвонной красоте,
Выводила тоненько вторая
О моей сердечной доброте.
Не тая моей мечты в секрете,
Смутными надеждами томя,
Голосисто подтверждала трестья
Сказанное первыми двумя.
Я любимой пел о кленах, нвах,
Звал ее неведомо куда.
Но девочки смотрят на красивых —
Я красивым не был никогда.
Был невзрачней всех в ребячьей стайке.
И когда с другим ушла она,

У моей веселой балалайки
С горьким всхлипом лопнула струна...
Далеки сегодня те тревоги.
В край сердечной первой маяты
Ливни поразмыли все дороги,
Паводки порушили мосты.
Там все так же клен зарей подпален,
И девчата водят хоровод.
И влюбленный некрасивый парень
Струны балалаечные рвет.

* * *

Я больше живу на колесах,
Я больше на рельсах живу
И чаще всего на откосах
Цветы тебе ранние рву.
Их мало кто любит на свете,
А может, одна только ты
Влюбленно так смотришь на эти
Пропахшие дымом цветы.
То детскою радостью вспыхнешь —
Совсем не узнаешь тебя, —
То вдруг присмиреешь, притихнешь,
Косынку свою теребя.
Как будто увидишь воочью,
Уйдя от дневной суеты,
Как дыма тяжелые клочья
К земле пригибают цветы,
Как мчат поезда-сороходы,
По рельсам всюду колотя,
Как ветры, да версты, да годы
Навстречу летят и летят.

* * *

Ветер веет, не слабеет,
Подгоняет саночки.
Под горою голубеют
Проруби русалочки.
Ветер сыплет колким снегом.
Выстывают горницы.
За твоим веселым смехом
Вьюга не угонится.
От опушки от сосновой,
От четы березовой
Ты бежишь на горку снова —
Розовая-розовая.
Из ледовых, видно, окон,
С глубины налимовой
Оплескали тебя окуни
Водой малиновой.
А потом у тропки торной
Под буянь буранную
Снегири о щеки терлись
Грудками багряными.
Нам смеяться, нам чудесить,
Чтоб сердца оттаяли.
Мы сегодня лет по десять
По домам оставили.
А кругом гудит, сверкая,
Молодая, светлая,
Неоглядная такая,
Ненаглядная такая
Сторона заветная.

* * *

Жизнь течет...

Сдается зимушка весне.

Лед ломается на Северной Двине,

И несется от саженных белых крыг

По округе то ли скрежет, то ли крик.

Далеко передо мною — льды и льды.

А на льдинах все — следы, следы, следы.

Вот гадаю: по одной из белых льдин

Человек куда-то шел, да не один:

Каблучки вбивала женская нога,

Рядом след потяжелей — от сапога.

Так и вижу, как идут, тропу торят

И о чем-то вполусшепот говорят.

И вокруг себя не видят ничего,

Только видят — он ее, она — его.

Дальше...

Дальше очень грустные дела —

Между ними змейкой трещина прошла,

Расколола, развела по сторонам,

И следы — на разных льдинах по волнам.

Может, все не так, как я сужу-ряжу,

Но с реки я погрустневшим ухожу.

Будто это по моей сейчас вине

Лед ломается на Северной Двине

И несется от саженных белых крыг

По округе то ли скрежет, то ли крик.

ВСТРЕЧА

Сучки как будто бородавки
На чистом, скобленном полу.
Смолой сосновой пахнут лавки,
Подбелка свежая в углу.
В окно раскрытое заметней,
Как листья кружат во дворе.
Сама ж хозяйка в самой летней
И наливной своей поре.
Я шумно воду пью из кружки
И не в окно смотрю — левой,
Как гнутся тоненькие дужки
Почти девических бровей.
От них былому не начаться,
Хотя подковками легли...
Их брали некогда на счастье,
Но счастья с ними не нашли.
Заглохла и моя обида.
Мне жаль их тоненький изгиб,
Но я, не подавая вида,
Спокойно вышел из избы.
А на крыльце, вздохнув свободно,
Я сквозь какой-то странный звон
Подумал: женщине сегодня
Приснится светлый-светлый сон.
Приснится осень, листьев шорох,
И кто-то из забытых лиц,
И стук мужских шагов тяжелых,
И скрип тесовых половиц.
Она проснется, выйдет в сенцы,
Поймет, что это снов игра,
И одиноко, с болью в сердце
Всю ночь проплачет до утра.

* * *

Теперь не знаю — в шесть ли, в семь ли,
А может быть чуть-чуть поздней,
Я полюбил вот эту землю
И все цветущее на ней.
Иные равнодушны к рощам,
А мне бы снова в дебри те,
Где я учился, между прочим,
И красоте, и доброте.
Я пил прохладный сок березы
В старинных русских туесах.
И оттого мой чуб — белесый
И зелень легкая в глазах.
И вот теперь, большой и взрослый,
Я вижу, что неотделим
От этой теплой, этой росной,
От русской утренней земли,
Где молодое сено косят,
Где ветка каждая цветет.
Земля моя меня не бросит
И никогда не подведет.

* * *

Салаир, Салаир...
Горы с дымкой и с лающим эхом.
Так и слышатся мне соловьи
В поэтичном названии этом.
Думал я: среди горных громад,
Молодые сердца будоража,
Соловьи там гремят и гремят
По всему Салаирскому кряжу.
Только встретился я с тишиной,
И она меня насторожила.
В переулках, большой и смешной,
Останавливал я старожилков.
Прямо спрашивал и намекал,
Соловьи, мол, поют ли ночами?
А они удивлялись слегка
И в ответ пожимали плечами.
Лишь у дома, где нечему цвести,
Где деревьев совсем было мало,
Мне девчонка ответила: «Есть.
Я сама его слышала в мае.
Было звездно и было темно,
Все цвело, месяц был на ущербе.
Он ко мне прилетел под окно
И запел, заливаясь, на вербе».
Только дед разозлен этим был,
Он сказал: «Греховодные птицы» —

И назавтра все вербы срубил,
Чтобы негде им было уютиться...»
Я гостил у тебя, Салаир,
Не проеду и в будущем мимо.
Как поют там твои соловьи,
Мне услышать необходимо.
Есть они. Я пойду за реку,
Я все горы шагами измерю.
Я не верю тому старику,
А улыбчивой девочке верю.

* * *

Мы шли таежною тропой,
Туманы землю остужали.
Деревья плотною толпой
Шумели, словно угрожали.
Я думал в дремной полумгле,
Придя к избушке чуть приметной,
Что нету места на земле
Мрачнее, глуше, неприветней.
Вошли. Под низким потолком
Дышало все приглядом женским.
Пахнуло печкой, молоком —
Забытым духом деревенским.
К нам вышла женщина. Проста.
Со взглядом кротким и стыдливым
И вся как будто налита
Медово-ягодным наливом.
И улыбнулась у стола
Улыбкой зыбкою и краткой,
Как будто все еще спала
И сон досматривала сладкий.
Но, спохватившись как-то вдруг,
Заговорила часто-часто,
Что вот — одна. И что супруг —
Лесник. Он где-то на участке.
Еду вносила из сеней,
И запахи поляны росной

В избу врывались вслед за ней,
Легко клубясь, как пар морозный.
Она ступала по избе
Дорожкой тканую рябою
И так красиво о себе
Рассказывала всей собою.
А вслух — про мужа своего,
С любовью, скрытой в синем взоре.
Словечки «мой», «у моего»
Тепло мелькали в разговоре.
Слова, которые она
Как будто сердцем излучала,
Хоть и дарила нам сполна,
Но все их мужу посвящала.
И я подумал в полумгле,
В избе таежной неприметной,
Что нету места на земле
Уютней, ласковей, приветней.
Мы уходили поутру,
И женщина, простившись строго,
Стояла долго на ветру,
Нас провожая в путь-дорогу.
Мы в город шли, в разлив огней,
Ее средь леса оставляли.
Но не было в глазах у ней
Ни зависти и ни печали.

* * *

На бедре со спиртом фляжка,
На другом кинжал-гроза.
На огонь охотник Сашка
Щурит меткие глаза.
Вот и щурит, вот и щурит
И ни разу не моргнет.
Вот и курит, вот и курит,
Папиросу в пальцах мнет.
Эти пальцы мяли шкурки —
Загорелы и ловки.
Прижигали их окурки,
Примерзали к ним курки.
Сев на краешек уступа,
Как на лавочку в избе,
Сашка медленно и скупю
Повествует о себе.
Горный край, где жизнь сурова,
Исходил он без дорог
Поперек и вдоль.
И снова
Трижды вдоль и поперек.
И не раз, изранив тело,
Чуть бредя через лога,
Клял он: «Чтоб она сгорела,
Эта самая тайга».

Но, вершинами кивая,
Так, что любо посмотреть,
Гордо стынет вековая
И не думает гореть.
И зовут, как прежде, чащи,
Словно где-то там тайгой
Ходит-бродит его счастье
Молодою кабаргой.
И алтайца не тревожит,
Что, распадком торопя,
Обмануть однажды может
Вроде б верная тропа.
Что когда-нибудь у речки,
У багряных у рябин,
Вдруг возьмет и даст осечку
Вроде б верный карабин...
Отстегнув со спиртом фляжку,
Разморясь возле огня,
Про себя толкует Сашка,
А как будто про меня.
Пламя ниже,

ниже,

ниже,

Незаметней тень сосны.
Я впервые ясно вижу
Сам себя со стороны.
И, вдыхая синий воздух,
Не пойму в мерцанье хвой —
То ли искры, то ли звезды
Над моею головой.

* * *

Там, где воды и ветра сшибка,
Почти ложатся на пески
Живущие легко и гибко
Молоденькие тальники.
И в той же речке отраженный,
Под тем же ветровым крылом
Клен встал, прямой и напряженный,
Треща негнувшимся стволом.
Он крепок. Он в расцвете кроны.
Он видит очень далеко.
И даже легкие поклоны
Ему даются нелегко.

* * *

Бойся, Анна,
Слушай, Анна,
И ушам своим не верь:
Кто-то громко, кто-то странно,
Незнакомо стукнул в дверь.
Твой бродяга, твой отходник
С полной сумкой за спиной —
Твой удачливый охотник
Возвращается домой.
Он твои забросит ситцы,
Он не то тебе добыл —
Для тебя в тайге лисицу
Чернобурую убил.
Только входит он сурово,
Точно кедр, высок и прям.
На щеке застыл свинцово
От медвежьей лапы шрам.
Знать, умаяла дорога
Через горы и лога.
Знать, заметил у порога
След чужого сапога.
Ох, заметил след неяркий,
Потому не ест, не пьет,
Драгоценные подарки
Из мешка не достает.
Не глядит на молодую
И, натуре вопреки,
Клонит голову седую
На большие кулаки.

* * *

По долинам роскошные травы,
В чашах — беличий гон по сучью.
Только мне не забыть переправы
За веселую их толчею.
Тут косынок цветастая стайка.
Тут геолог с тугим рюкзаком
И охотник, и шустрая лайка
Будто дразнит кого языком.
Каждый ищет и верит в победу.
Я в себе ту же веру несую.
Я не просто сейчас перееду
Через бурную речку Мрассу:
Поослабнут канатные жилы
И на шатком причальном мосту
Я под пройденным и пережитым
Подведу голубую черту.
Будут снова роскошные травы
И устойчивый запах грибной.
Только мне не забыть переправы.
Ни за что не забыть. Ни одной.
Голубое, литое обводье.
Дом паромщика. Тропка в тайгу.
И всегда тебя кто-то проводит
И помашет на том берегу.

КАБЫРЗА

Кабырза, Кабырза,
Я видал воочию,
Как дика ты и борза
Валуны ворочаешь.
А у этой вот косы
Тихая ты, тихая.
Даже слышно, как часы
На запястье тикают.
Виснет веток бахрома,
Берега — опрятные.
Ну и пляжи! Задарма!
Почему не платные?
Я сейчас бы деньги — дзинь,
Чтоб с веселым оханьем
В эту матовую синь
Окунуться окунем.
Ты сказать мне не вольна,
Речка окаянная,
Здесь речная глубина
Или океанная?
Может, здесь, вращая в дно,
Под водой стоячею,
Острый камень ждет давно
Голову горячую.
Я вот так,
тропой крутой

Продвигаясь с доблестью,
Бит не раз недобротой,
Спрятанной за добротью.
Но не пал я перед ней,
Как дубок подточенный.
Только стал еще сильнее
И еще устойчивей.
Потому беру разгон —
Пусть беда встречается.
От прыжка моего
Тальники качаются.

По малину за селенье
Мы уходим прямиком.
Я готов на край вселенной
За своим проводником.
Я спросил ее: — Ты шорка?
— Да, тайга мой дом, мой кров.
И косынкою из шелка
Отгоняет комаров.
Пни стоят в траве как стулья.
А она вперед, вперед,
Словно чуткая косуля
По тайге меня ведет.
И малине и Марише
Наливаться, медоветь.
За Мариной по малине
Пробираюсь, как медведь.
Вот уж новая корзинка —
Тяжела,
                    тяжела.

Бирюзовая косынка
Поверх ягоды легла.
Я прилег, как будто в доме,
Под развесистой сосной.
Закружились в легкой дреме,
Понеслись передо мной —
То деревья в смутном гуле,
То речные берега,
То Марина, то косуля,
То малиновы лога.

НА ТАЕЖНОМ АЭРОДРОМЕ

Жарынь-жара.
Ни дождика, ни грома.
Пока бессилен тут любой приказ.
И раскалилась пыль аэродрома,
Как спорящая очередь у касс.
Алтайки едут с ягодною тарой,
Везет пацан в корзинке двух щенков.
А рядом песню тянет самый старый
Из молодой бригады сплавщиков.
А песня эта про тайгу, да сопки,
Да про старинное житье-бытье.
Наверно, выпил после смены стопку,
А может быть, он и не пил ее.
Неподалеку женщина проходит.
Такая, если за руку возьмет, —
Любую непогоду распогодит,
Любую бурю на душе уймет.
Она светла таежным мягким светом,
И молодостью взгляд ее искрит.
Ей, может, кто-то говорит об этом,
А может, и никто не говорит.
А солнце жжет, терпенье наше мерит.
За небом люди пристально следят.
Все ждут и ждут.
И все, конечно, верят,
Что непременно нынче улетят.

* * *

Будет тихо и туманно
И по-летнему тепло.
Будет вновь Аким-и-Анна —
Очень странное село.
Там деревья-великаны
Подбрали к речной косе.
Там про ружья да капканы
Разговаривают все.
Там, в шестой избе от края,
При зашторенном окне,
Разведенка молодая
Приготовит ужин мне.
И с печалинкой во взгляде
Скажет: «Дальше не ходи.
Впереди ночные пади,
Мост подгнивший впереди.
Ты подумай, парень, здраво:
Знают все окрест места,
Что живет худая слава
Возле этого моста.
Там разбились поезжане,
Там когда-то у скалы
Острым камнем каторжане
С ног сбивали кандалы.
Зверолова с лисьим мехом,
Приискателя с конем

Мост встречал варначьим смехом
Да тяжелым кистенем.
Там в зыбун глухой, холодный
За колодины и пни
Завлекут тебя болотные,
Дрожащие огни...»
Я забудусь на минутку.
Замечтаюсь.
И тогда
Станет сладко мне и жутко,
Будто в детские года.
Я увижу деревеньку,
Ветхий мост, где возле скал
Кто-то девку, кто-то деньги,
Кто-то голову терял.
И поверю в страхи-байки
Про трясины и леса,
Потому что у хозяйки
Очень синие глаза...

* * *

Что-то слишком рьяно
Зной пошел спадать.
Что-то слишком рано
Стало холодать.
Зной стоял в июле.
В сентябре — тень.
Тридцать лет мелькнули,
Как один день.
Тридцать первый начат.
Слышу в тишине:
Обо мне судачат,
Как не обо мне.
Дескать, как ни сестуй,
С памятного дня
Юношам — сосед ты,
Пожилым — родня.
Не молва, не вести --
Сам приметлив тут --
Стороной невесты,
Стороной идут.
Я хожу подавлено,
Замедляю шаг --
Что-то тут неправильно,
Что-то тут не так...

У БЫВШЕГО СЕЛА

Поле. Копны снежком примело.
Вербы стынут и клонятся сами.
Здесь — давно ли! — шумело село
С петухами, колодцами, псами.
Люди жили, пускай не в раю,
В закутке своем тесном и дружном.
И на северном знали краю,
Что сейчас происходит на южном.
Но бросать родовое жильё
Где-то взяли впоследствии моду.
За войну да и после нее
Поубавилось сильно народу.
Полевая дорога. По ней
Все село раскатилось в итоге.
Кто в район,
Кто в село послушней,
Ближе к тракту, к железной дороге.
Здесь в грядущие ночи и дни
К небу теплым дымкам не подняться.
Только вербы остались одни
В чистом поле стареть и склоняться.
Вот и все.
Лишь на ровном пути
Вдруг заставило что-то споткнуться,
Оглянуться и быстро уйти.
И вздохнуть. И еще оглянуться.

* * *

Отойди, время, детство не засти-ка,
Пусть встает предо мной волчья засека,
Та, что здесь, за селом, за старицею,
Моей крепостью была и столицею.
Пролетал весенний пал черным вороном,
Я пад речкою вставал хмурым воином,
Из рогатки бил сорок, бил без промаха —
Все смородину берег да черемуху.
Исходило лето зноем и грозами,
Тяжелели ветки черными гроздьями.
Так, бывало, и горят, так и светятся,
Будто черные глаза моей сверстницы.
Для нее лихой мотив я насвистывал
И погодней кусты ей отыскивал,
Думал, с нею никогда не разлучимся,
В эту засеку ходить не разучимся.
Светляки горячих глаз, кудри-волнышки...
Ах, кому она сейчас светит солнышком?
Посмотреть бы на нее, взять бы за руки,
Угостить ее смородиной в засеке.
Только засека по пояс заснежена
И не нами, а другими заслежена.
Речка льдом крепко-накрепко скована,
Снегирями вся смородина склевана.

ОСЕНЬЮ

Богата согра в эту осень.
Глядят опята из-за пней.
На днях, наверное, под озимь
Распахан клин земли за ней.

Лес оглушен сорочьей ссорой.
И кажется — над краем всем
До опьянения пахнет согрой,
Не пахнет пахотой совсем.

Отсюда я дровишек связки
Таскал домой, в ушибах весь.
Мои бывальщины и сказки
Отсюда вышли, жили здесь.

На выворотне в комьях глины
Сижу, земли печальный сын.
Полно рябины, тьма калины
Среди берез, промеж осин.

И я себя при этой свите
Казню, как сроду не казнил:
Ну что ж ты, Витя,
Что ж ты, Витя,
Притих и голову склонил?

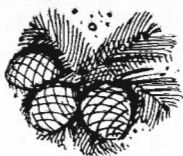

Ведь крепок был под всякой ношей.
Пусть изредка, но ладно пел.
Так неужели, мой хороший,
Извел себя? Когда успел?

Пусть хвори взяли на заметку,
Но ты сдаваться не спеши.
И не горюй, что пелось редко,
Зато — ни слова без души...

Все гуще, все дробней в низине
Накрапы нудного дождя.
Пора и к дому.
  А в корзине —
Одна волнушка, два груздя.

Бреду под тучею-навесом
Промокшей пахотой и мглой.
И все слабее тянет лесом,
Все явственней — сырой землей.

ПОЭТ

Памяти Е. С. Буравлева

Он весь кремневой был породы,
Как грубо тесаный гранит.
Решила, видно, мать-природа,
Что жизнь потоньше отгранит.
И та взялась работать споро,
Дала немислимый разбег.
Был страшно долог путь сапера
Под прусский город Кёнигсберг.
Не уходили, не сгубили
Потом ни раны, ни хандра —
Впрок закалили, отдубили
Его сибирские ветра.
А жизнь несла не удержиимо.
Сливались яростно в одно
Ее пороги и прижимы,
Ее и зеркало и дно.
И ни любви, и ни зазнобы,
Чтоб к ней, сбивая сапоги,
Нести ожоги и ознобы —
Подарки тундры и тайги.
Прораб на заполярной стройке,
И всем открытый, и — ничей,
Он знал, о чем судачат сойки,
Вздыхает кедр,
Поет ручей.

И в книжечках стихов и прозы,
Где свой особый лад и быт,
Ни лести выгодной, ни позы,
Ни мелких жалоб, ни обид.
Так жил.

За славой не гонялся.

И я, не знаю почему,
Всегда хотел, всегда боялся
Свои стихи читать ему.

Покатый взлобок. Голь. Потрава.
 Свистящий ветер верховой.
 Мне так и видится застава,
 Казачий пост сторожевой.
 Большая степь с травой медвяной
 Вся на виду и на слуху
 У строгой вышки деревянной
 С копной соломы наверху...
 И ныне холм в краю предгорном,
 Где сказочно земля щедра,
 Стал Совести постом дозорным,
 Пикетом Правды и Добра.
 Высь Шукшина...
 Хлеба резные,
 Лесок, покос, родник во мху.
 Да что там степь ему — Россия
 Вся на виду и на слуху.
 В подлеске ветер быстр и юрок.
 След сапога росой не смывает.
 Он был здесь только что. Окурок
 В сырой траве еще дымит.
 Где ж уголок его сугрева,
 Тепла, которым дорожил?
 — Спуститесь вниз, а там — налево, —
 Кивает некий старожил.
 Тропинка на зеленом ворсе.
 В низине — дом. И он в дому.
 И не спускаться надо вовсе,
 А подниматься нам к нему.

с. Сростки, гора Пикет

* * *

На берегу у глыбы каменной
До петухов — гармонь, галдеж.
Лишь ты в своей косынке пламенной
Напрасно ждешь,
Напрасно ждешь.
Вот ветка дрогнет, заколышется —
Но это ветер. Так всегда.
Вот говорок вблизи послышится,
Но это — полая вода.
Вот на тропе, едва намеченной,
Тень закачается слегка.
Но то — причуды ночки месячной
Да молодого ивняка.
А ты — одна.
Привыкла к горечи.
Всего и счастья, что видна
Вон из того, на малой горочке,
Всегда закрытого окна.
Над яром, над водою плавною
Ты подожди еще, постой,
Светясь красою своенравною,
Своей любовью непрстой.
А грянет горе, беды разные —
Перегорюй, перестрадай.
Но никогда, калина красная,
Не увядай,
Не увядай.

с. Сrostки, Алтайский край

* * *

В чистом поле, где земля простая,
Где лишь ветры носятся, пыля,
Козырьком ладонь к бровям приставя,
Я слежу за летом журавля.
Одинокость — кто ее не знает?
Одинокость — кто ее поймет?
То ли она силы убавляет,
То ли она силы придает.
Вот летит
    один,
        крыла пластая,
Озирая рощу и жнивье.
То ли он отстал в пути от стаи,
То ли он опередил ее.
И кричит над лесом поределым,
Над притихшей речкою кричит.
Он кричит всем напряженным телом
Даже и тогда, когда молчит.
Горло надрывается прямое,
Синий воздух холодит бока.
Может, долетит до синя моря,
Может, до соседнего леска...

НА РОДИНЕ

Осенний ветер листья рвет бедово,
Желтит и сушит травы на мысках.
На тракт далекий смотрят избы-вдовы
В повязанных шалашиком платках.
Как будто в каждом путнике далеком
Хотят они родного угадать —
А вдруг вернулся кто-то ненароком
Из тех, кого давно устали ждать.
Ушли родные под Москву, на Волгу
В июньский незапамятный рассвет,
Прощались — говорили: ненадолго.
Но жизнь прошла, а их все дома нет...
Того гляди — безгромный дождь прольется
На сорный двор за вязью городьбы,
На кровлю, на дорогу, на болотце,
Что — сразу за завалиной избы.
Да, здесь я жил, дороги эти мерил
В студеные военные года.
И знать не знал, словам лишь только верил,
Что где-то есть большие города.
Избенку нашу падеры и грозы
С прихлестом били, налетая вдруг.
А радовали только лишь березы —
Скворечнями, глядевшими на юг.
Они качались, на ветру упружа,
А мать, чтоб был приветней дом родной,
Хотя околевали мы от стужи,

Березы не сгубила ни одной.
Как по весне их зеленели шали!..
И вот — до слез обидно! — в наши дни
Они, видать, кому-то помешали,
Кому-то стали застить свет они.
Сижу на пне, в траве стоящем кротко.
Зачем приехал, не жалея дня?

Ведь знал: здесь не счастливая находка —
Потеря въяве заждалась меня.
Меня уводит память прихотливо
Назад, к началу жизненных шагов,
Как легкую лодчонку в час отлива
Уносит море вдаль от берегов.

Зима.

Сугробы — не откроешь сенки.

Морозный скрип.

В избе — тепло и хмарь.

Висит на облупившемся простенке

Забытый довоенный календарь.

И мне, мальчишке, разгадать нет мочи:

Зачем, к чему листки календаря —

То черные под стать осенней ночи,

То алые, как вешняя заря.

Ведь что ни день, он жизни не иначе,

Ничуть не осветляет небеса.

По черным —

в избах голь да горе плачут.

По красным числам — те же голоса.

Да, что ни день — в печали и остуде:

То дома смерть, то та же боль — с войны.

Откуда знать-то было мне, что люди

По красным числам праздновать должны?

Я часто слышал выдохи: «О боже»,

Когда деревню обегал с утра.

И все мечтал, что вырасту побольше

И мно-ого людям сделаю добра.
Дедку, что бородой белее марли,
Дров наколю, в поленищу сложу.
Болезненной и слабой тетке Марье
Весною огород загорожу.
И что-то сладко сердце мне сжимало,
Порой волшебным делало житье.
И над скупой землей меня вздымало,
Хоть я все время ощущал ее.
Катились годы, грохотали тяжко.
Жизнь нелегка, но как-никак — мила.
Потом — моя ровесница Наташка
Неподалеку с матерью жила.
Луна пригасла, тополь содрогнулся,
Когда впервые я, молокосос,
Однажды летним вечерком коснулся
Ее метельно вьющихся волос.
Хотя б на миг ее увидеть снова.
Да что я ей? Работа.

Дом.

Семья.

А может статья, из угла родного
Уехала куда-то, как и я...
Избу осенний ветер бьет сердито,
Травинки выметает со двора.
Я поднимаюсь: сколько ни сиди тут,
А все ж, однако, уходить пора.
Иду деревней. Дождик -- как из сита.
Сквозь морось -- солнца слабое пятно.
Что ни изба -- она для всех открыта,
Что ни окно — то светлое окно.
Вот новый клуб. За клубом — школа. Та же.
Мне так знаком крутой ее порог.
Зовет звонок.
И показалось даже,
Что сам спешу я в школу на урок.

А что? Коль говорить без экивоков,
Ведь каждому из нас наверняка
Жизнь очень много задает уроков —
Успеть бы все их сделать до звонка...
Шагаю тихо по ослизлой тропке,
Утерянное будто бы ищу.
«Зайду к Кузьме, — решаю неторопко, —
Как бывшего соседа навещу».
Кузьма Авдеич летом кончил стройку.
Не на год — для столетнего житья.
Изба и все пристройки — ладной кройки
И крепкого, как говорят, шитья.
В избе — тепло.
В шкафу теснятся книжки.
Вторые рамы вставлены к зиме.
Одна к другой, как пескари на низке, —
Прищепки бельевые на тесьме.
Седой Кузьма, хоть и смущен немножко,
Так и лучится весь от доброты.
«А я, ты знаешь, подхожу к окошку,
Гляжу — и ты и вроде бы не ты...
Как поживаю? Видишь сам — неплохо.
Хворь не берет, работы не боюсь.
Вот лишь года...
Не тот уж я, ероха,
Но ничего покуда, не сдаюсь.
Колхоз? Крепчает. Техники богато.
По части кадров — хуже, это да.
В уборку б приходилось туговато,
Когда б не помогали города.
Наталья? Здесь. Во-он дом ее под ивой.
Живут с Петром. Не знаешь? Дальний он.
Мужчина видный из себя, красивый,
И первый тракторист на весь район.
Стихи? Я как-то к ним без интересу.
Читаю раз поэта одного:

В село, кричит, охота дозарезу,
 Как будто держат в городе его...»
 Так и ведем беседу час ли, два ли,
 Припоминаем — то Кузьма, то я, —
 Где и в какое время побывали,
 Какие в мире видели края.
 Потом Кузьма повел рассказ привычно,
 Беря в расчет внимательность мою,
 Как тощий клин пахал единолично,
 Как первый поднимал колхоз в краю.
 Чего-чего не видано за годы
 Им, терпеливым русским мужиком,
 Чтоб мог спокойно, по-хозяйски гордо
 Сказать сегодня: «Ничего живем».

В окошке клен склоняется упруго,
 Качая домик, брошенный скворцом.
 А мы сидим, как два хороших друга,
 Ну а точнее — будто сын с отцом.
 И каждому из нас
 При добром деле,
 Пусть будет громко сказано,

дана

 Одна дорога — к самой светлой цели,
 Одна любовь — родная сторона...
 Наговорились, как душе хотелось.
 Пьем да едим. Хозяйка так добра!
 Однако, как бы ни пилося, ни елось,
 А и отсюда уходить пора.
 Я одеваюсь.
 Мы с Кузьмою вместе
 Выходим из накуренной избы.
 «Ну, будь здоров. Да подавай, брат, вести.
 А дом Натальин — вот он, не забыл?»

Да, вот он, дом...
Захлюпанный бульдозер,
Отпугивая словно бы народ,
Стоит с тупою мордою бульдога
У самых у Натальиных ворот.
Увидела меня, узнала сразу,
Зажглась, помолодела вся с лица.
Как девочка — светла и ясноглаза —
Легко сбежала с шаткого крыльца.
Но тут же, разом, сникла как-то, сгасла,
Уже совсем спокойно подошла
И мне поверх березового прясла
Смушенно, кротко руку подала.
Горит улыбки лучик оробелый,
Как слабый отсвет давних-давних дней.
И тает, тает, тает льдинкой белой
Забывтая рука в руке моей.
Чуть схваченные розовой тесемкой,
По шее и плечам ее вразброс
Стекают тихой, жиденькой поземкой
Витки метельных некогда волос.
Да, время, время...
Стынет между нами
Ограды грань, глухой калитки щит.
«Ну, где ты? Как? Какими ты судьбами?» —
И — все. Ни слова более. Молчит.
Сейчас она уйдет — и вся беседа.
И может быть, по простоте людской,
Расскажет любознательной соседке,
Что нас видала, — кто я, чей, какой.
И лишь каким бывал у ней когда-то,
Не в этом, а в родительском дому,
Она, я это вижу, помнит свято
И сроду не расскажет никому...
Иду, иду...
А над стерниной колкой

Горланит галок несогласный хор,
Холодный ветер с молодого колка
Очесывает реденький вихор.
Размытая, берет дорога вправо,
За колок, за огорок уходя.
По сторонам кудрявится отава,
Сырая от окатного дождя.
Ах лето!
И когда оно успело
Свое хмельное справить торжество?
Отпело,

отшумело,

отоспело

И улетело. Нет уже его.
Цветное лето с радугой над лесом —
Чего и веснам даже не даю —
Не потому ли и назвали летом,
Что пролетает быстро так оно?..
Мне до разъезда час с немногим ходу,
Не будь дождя и будь проселок сух.
Но даже если брать в расчет погоду,
То и тогда пройду не больше двух.
Что горевать?
Ведь эти час ли, два ли —
Так, две травинки на густой меже.
Ведь мимо годы, годы пробежали,
Да и притом немалые уже.
И было надо
После долгих странствий
Вернуться в юность, чуточку скорбя,
Чтобы оттуда чисто и пристрастно
Взглянуть на жизнь и оглядеть себя.
Не надо славы мне и выгод личных —
Трудиться б так, чтоб нынче и потом
Не чувствовать себя чужим и лишним
В домах друзей

За праздничным столом.
...Скрипят возы.
Иду вслед за возами
То хлюпкой колеей, то стороной.
Все, что пою, — оно перед глазами,
Все, что люблю, — оно передо мной.
Стернина. Ток. Сторожевая будка.
Над полем вертолет, что стрекоза.
Вдали синее озеро — как будто
Прощальные Наташины глаза...

У ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРА

Вот и опять поосенело,
Как все века, как все года.
Сливаясь с небом, посинела
Во Ильмень-озере вода.
А на воде обрывки чалок,
Обломок старого весла.
Да стаи лодок, стаи чаек,
Да золотые купола.
А под горой, такой покатою,
Трезвонит ветер в три струны,
Что прибыл к торгу гость богатый
С сибирской дальней стороны.
И впрямь — легка моя походка,
Кудрявы волосы мои.
И лодки мне — уже не лодки,
А птицегрудые ладьи.
Но не меха при мне, не бочки,
В которых брага медова,
При мне одни лишь только строчки,
Одни заветные слова.
Сибирь на песни не скупая,
И я в себе их не таю.
Я их втридорога скупаю,
Потом задаром раздаю.
И не найду удачи краше,
Зайдя в мечтаньях далеко, —
Лишь слушали меня б, как раньше
Когда-то
слушали Садко.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Баянов. Цветки любви и памяти	5
«Не думать ни о чем теперь бы .»	7
Родник	9
«Изба моя, приветь меня .»	10
Старые плотники	12
Матери	14
«На обезлюдевшей окраине »	16
«За речкою — подать рукой —...»	17
«Сторона любимая, приметная..»	18
Песнь о хлебе	19
«Из колодца вода льется. »	21
«Мы знаем очень много. Это верно »	23
«У станции цветов — каких угодно..»	24
Бабье лето	25
Ветряки	27
«Мы в детстве смотрели немое кино..»	28
«В двенадцать лет мальчишкам редко..»	29
«Он нас встречал ворчливо: «У, ягнята...»...»	31
«У реки рябина вянет...»	33
«За пределами российскими...»	34
«За рекой талиновой, за мельницей...»	35
Фотографии	36
«Дом как дом. Цветы да занавески..»	37
«Я больше живу на колесах...»	39
«Ветер веет, не слабеет...»	40

«Жизнь течет...»	41
Встреча	42
«Теперь не знаю — в шесть ли, в семь ли...»	43
«Салаир, Салаир...»	44
«Мы шли таежною тропой. .»	46
«На бедре со спиртом фляжка »	48
«Там, где воды и ветра сшибка.. »	50
«Бойся, Анна.. »	51
«По долинам роскошные травы »	52
Кабырза	53
«По малину за селенье. »	55
На таежном аэродроме	56
«Будет тихо и туманно...»	57
«Что-то слишком рьяно »	59
У бывшего села	60
«Отойди, время, детство не засти-ка. »	61
Осенью	62
Поэт	64
«Покатый взлобок. Голь Потрава...»	66
«На берегу у глыбы каменной...»	67
«В чистом поле, где земля простая. »	68
На родине	69
У Ильмень-озера	77

4-00
цены 0-20

Литературно-художественное
издание

Баянов Виктор Михайлович

Какой земле принадлежим

Избранные стихи

Редактор **В. Ф. Зубарев**

Художник **В. П. Кравчук**

Технический редактор **Г. Н. Манохина**

Корректор **Т. Н. Чурсина**

Сдано в набор 06.04.94. Подписано к печати 24.05.94. Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,925. Усл. кр.-отт. 2,928. Уч.-изд. л. 2,63. Тираж 3000 экз. Заказ 903. Цена свободная.

Издательство «Ковчезек»

650099, г. Кемерово, Советский пр-кт, 40
Типография УВД

4 pages.